

РАБОТЫ, ОТМЕЧЕННЫЕ МНЕНИЕМ ЖЮРИ
конкурса 2021

Руслан Абдуллин (Казань)

ВЕЧНАЯ ВЕСНА

Недостроенная высотка на отшибе спального района всегда привлекала меня, именно на ее крыше я занимаюсь созерцанием прекрасного. Глупо, конечно, сидя на грязном железобетоне, говорить о прекрасном, здесь больше низменного и в практическом смысле, и в душевном. Хотя о душе не будем, оставим эту субстанцию. Бывает так, что ощущение присутствия души в своем брэнном теле приносит хозяину различные неудобства. По крайней мере, со мной так и происходит, и в этих «местах силы» среди пластиковой грязи и естественного смрада я часто ищу утешения. И оно приходит через мою философию мелочей, которые доступны каждому человеку, но на которые он не обращает внимания. Например, небо единое для всех и одновременно разное. Целый год я наблюдал его — зимой утепившись шерстяной одеждой, летом вместе с комарами, простудной осенью в соседстве с мелким дождиком, но лучшее небо всегда весной. Особенно в мае, когда звезды полны и светлы, воздух мил и свеж, а ночь еще темна.

Шелест молодой листвы и разливающиеся запахи наступившей весны заставляют жить заново. Этот месяц является эстетическим украшением, как небольшой, но драгоценный камень во временной короне, и наше счастье, что мы 31 день в году имеем на него полное право. Главное — ощущать это время, которого так много у молодых и все меньше у стариков. Еще я люблю подглядывать, хотя стараюсь выражаться несколько изящнее, так легче оправдываться, в общем, я наблюдатель. За чужими окнами и как будто бы жизнями. Без бинокля напрягаю зрение и смотрю на окна, где происходит жизнь. Огни вечерних высоток дают обширную пищу для моего «приличного» и увлекательного занятия. Но меня интересуют две квартиры. В первой, на седьмом этаже, живет благополучная семья со всеми атрибутами достатка и членством в виде отца, матери и парня-подростка. Степенный отец с лысеющей макушкой важно курит на балконе, фасад которого украшает казенная фреска в виде звездочки. Он является на глаза почтенной публике сумеречным вечером, как будто бы перенесенный сюда из прошлого века, ему не хватает приличного костюма, трубки и пенсе. За-

тягивается он глубоко, а дым выдыхает густым облаком, посылая его куда-то вдаль с чувством глубокого удовлетворения и полученного от никотина удовольствия. Курит глава семейства долго, слегка поплеывая и аккуратно стряхивая пепел в грубую пепельницу из советского стекла. Было заметно, что сему действию придается некий таинственный смысл и за правильностью ритуалов он тщательно следит и скрупулезно их выполняет. Даже большой палец его правой ступни, приветливо торчащий из порванного тапочка, не портит вид бытового величия. Его жена, женщина до сухости худая и до желчи раздражительная. Откуда я это знаю? По своим наблюдениям и не только за окнами. Она часто прячется у подоконника, где растет сенсивьера. Неприхотливый цветок надежно впитывал ее неразделенную желчь, терпеливо разделяя страдания непонятой женщины. Я видел ее с сыном в магазине, где она отчитывала его за излишнее увлечение социальными сетями. Это проблема большинства стареющих людей, которым не понятны увлечения молодежи, и они до иступления доказывают, что «раньше было лучше, мокрее, зеленее». Сын, как и мать, раздражение прятал и только понуро кивал, но сам постоянно снимал клипы для ТикТока. Да, я кое-что в этом понимаю и даже одобряю, не имея ничего против наступающей реальности. Парнишка увлеченно занимался ведением аккаунтов и, судя по всему, преуспевал в этом. Их подростковая компания

что-то с интересом режиссировала, ставила какие-то сценки и снимала на них короткие клипы. Один раз они раскрасили лица гримом и всем двором довольно-таки талантливо поставили настоящий мини-спектакль. В общем, я парня понимаю, а мать нет. Она ворчала на весь магазин, что молодежь скатилась в клиповое мышление, не читает книг и все их увлечения ведут только к всеобщей деградации. А что плохого в этом мышлении? Вполне укладывается в парадигму нашей жизни. У кого-то клип интересный и талантливый, а у другого никудышный и скучный.

Но вот то, что я ждал, помните философию мелочей? Некая мелочь жизни, которую мир дарит нам каждый день, и каждый день нам на эту красоту наплевать. Переход первых проблесков в полноценный рассвет, когда майская ночь, густая, как мазут, вдруг неожиданно оживает. Раз за разом мазут начинает растворяться и будто бы поглощается леденящей искрой света. Искра плотно взрезается в предрассветную мглу и, уплотняясь, постепенно рассеивает ее, украшая пространство различными красками. Темно-сиреневый пожар светлеет, превращаясь из кроваво-красного в непорочную бледность, и в мгновение исчезает, озаряя мир восходом Солнца. И через секунду все смолкает, оставляя землю нежно томиться в ярких лучах весеннего света.

Телефон дрожал в руках, парень с другом, примостившись на балконе, снимали очередной клип. Подростки

деловито кривлялись, вполголоса напевая популярную песню.

— Смотри, там какой-то мужик на недострое, — мальчик оживился, показывая рукой в сторону заброшенного дома.

— Да этот наш бывший сосед, жил под нами, потом с ума сошел. Мать его недолюбливает. Квартира у него пустует, а он живет в заброшках. Какой-то добровольный бомж, — хозяин балкона без интереса посмотрел на сумасшедшего.

— Он сейчас прыгнет! — первый мальчик неожиданно закричал, крепко схватившись за друга и больно его ущипнув.

И действительно, человек, который стоял на крыше дома, резко приблизился к озаряющейся рассветом пропасти. Он что-то увлеченно разглядывал, подросткам показалось, что они слышат его бормотание, которое четким шипением доносилось до них. И вдруг в свете поднимающегося солнца он полетел вниз, без крика и как будто бы даже без удара о землю. Исчез, как предрассветная пыль в первых лучах солнца.

— Надо звать на помощь! — слышался голос.

— Давай, а я пока видео закину.

Хозяин квартиры, тот самый мальчик, мама которого переживала за его безмерное увлечение соцсетями, стал загружать видео, которое он успел снять.

Предрассветный полет. Несколько миллионов просмотров.

*Ермухамед Алмасович
Асанхан
(Алматы, Казахстан)*

ПИСЬМА ТЕБЕ

15 декабря 2015

Привет, дорогая,

сегодня 15 декабря 2015 года. У меня появилась одна дикая идея, прямо как ты. Заключается она в том, что в этот день я начинаю писать письмо. Я просто жду не дождусь нашей встречи, что хочу уже быть на связи с тобой. Это первый раз, я еще толком не знаю, что пишут или что писать, но надеюсь на первый раз достаточно.

Соломон

1 января 2016

Привет, дорогая.

Надеюсь, мы посмотрим на одни и те же салюты, что сейчас раскрасили небо. И твои глаза так же сверкают, как и мои, когда наблюдают за этим. Я уже представил, как ты наблюдаешь за ними, как ты улыбаешься. Мне приятно. Мысли уже запутались от выбора слов, наверное, это потому, что я пьян. Новый год как-никак. Целую!

Соломон

5 января 2016

Привет, дорогая.

Сегодня у меня встреча с одноклассниками. Закончили мы школу всего полгода назад, а уже все сошлись. Мы же все разъехались

по университетам и по городам. Все, кто смог, приехали к родителям, а заодно и с нами повидаться. Я думаю, это к лучшему. Мне нравились почти все девушки из нашей школы, некоторым я уделял особое внимание. Наверное, до того, как ты это все прочтешь, я уже выложу обо всех и обо всем тебе. Чтобы не было сюрпризов. Итак, сегодня на встрече будет только одна из всех девушек, которые мне нравились в школе. Будем надеяться, что это ты! А может, и нет. Время покажет, родная. Люблю!

Соломон

14 февраля 2016

Привет, дорогая,

сегодня у нас была игра на работе, что-то наподобие Тайного Санты, только для парочек. Мне попала одна девушка с очень красивыми глазами, похожими на твои. Мы с ней до этого много не разговаривали, помнится, только один раз я у нее спросил, что она любит читать. Она ответила — детективы. На что я ей подарил лупу и трубку для курения. Наверное, не самый удачный подарок, но ей понравилось настолько, что она позвала меня выпить сегодня. Не стоит сильно ревновать, я буду очень бережно относиться к ней и с осторожностью. Целую!

Соломон

20 февраля 2016

Привет, дорогая,

мы с Агатой хорошо дружим. Это та самая девушка, которой я вручил подарки на 14 февраля. А сегодня мы

собрались в горы, доверия у этой девушки ко мне просто тонна. Она даже не подозревает, что я могу оказаться маньяком-насильником. Конечно, из-за ее нарядов мне самому кажется, что я скоро стану маньяком. Но мы друзья, и мне нужно смириться с этим. Причин для ревности нет, мы лишь заночуем в горах, я даже две палатки возьму.

Соломон

21 февраля 2016

Привет, дорогая, я пишу ночью, Агата уже спит. Мы долго забирались на гору, но ближе к вечеру уже добрались. На город открывался очень красивый вид, и кто-то решил, что это идеальный случай для салюта. Конечно, с гор они выглядели как пук младенца, маленький, но очень красивый. Она смотрела так же, как и ты. Ее улыбка запала мне в душу. Думаю, не стоит отрицать вероятности, что она — это ты. Люблю!

Соломон

8 Марта 2016

Привет, дорогая,

сегодня праздник, и я поздравляю тебя из прошлого, так сказать. Скорее всего, на момент прочтения тобою всех этих писем мы уже будем взрослыми. Ладно, я пошел готовить подарок Агате. Маме я уже подарил цветы, отец, конечно же, принесет мамин любимый торт. А Агате я хотел смастерить браслет, готовил несколько дней и закупался материалами, думаю, ей понравится.

1 Июня 2016

Привет, дорогая,

сегодня мы с Агатой решили взять племяшек в парк. Своего племянника я предупредил, если же он будет плохо себя вести, то одним наказанием не ограничится. Но в целом он милый, ему уже лет 8, а умен не по годам. Перечитал все мои энциклопедии, которые я собирал вплоть до 15 лет. Напишу по приходу.

День прошел замечательно, парки, аттракцион. Малой даже увел ее племянницу поиграть и оставил нас с Агатой. Мы же выпили по бутылке пива и обсудили кучу вопросов. Она очень интересный человек. И я напросился проводить их домой. Надеюсь, лето будет интересным.

Соломон

30 июня 2016

Привет, дорогая,

лето проходит жарко, но не скучно. Работа до вечера, а потом мы развлекаем досуг холодным пивом, а по утрам я бегаю. В предстоящих выходных мы с друзьями решили чуть-чуть охладиться в небольшом водоеме. Все придут с девушками, а я позвал Агату. Я ее обо всем предупредил и, конечно же, рассказал о ней друзьям. Думаю, будет круто.

Соломон

4 июля 2016

Привет, дорогая,

выходные прошли чудесно. Мы поехали в водоем на двух машинах, по пути купили шашлыки и напитки. До-

рога заняла не больше часа. А провели мы там часов пять. Друзья были в восторге от Агаты. Мы сыграли в волейбол, пели песни, танцевали. Кажется, я влюбился. Извини, что так резко, но я хочу быть честен с тобой. У меня есть чувства к Агате, и я скоро признаюсь ей в этом.

Соломон

20 июля 2016

Привет, дорогая,

сегодня мы идем на первое свидание с Агатой, надеюсь, ты не будешь против. Я выбрал пиццерию. Как ты знаешь, я люблю пиццу. Я опрятно оделся и использовал совсем малую дозу туалетной воды. Напишу тебе после.

Мы поцеловались! Извини, но не поделиться было бы нечестно по отношению к тебе. Но все было не совсем так, как ты могла бы себе представить или как это обычно бывает в кино. Сначала мы покушали и выпили вина, я выпил больше, так как руки уже начали потеть просто от ее взгляда. Затем мы прогулялись до ее дома, и я попрощался. На что она взбесилась. Видите ли, я ее не поцеловал. Признание оказалось самым глупым, что я сказал за всю свою жизнь: «Я не умею». Она лишь ухмыльнулась и сама меня поцеловала. Я буду ценить ее. Люблю!

Соломон

4 июня 2021

Привет, дорогая,

я давно тебе не писал, наверное, это из-за учебы и всяких ненужных дурацких вещей. Или я просто осознал, что на тот момент я нашел, кого

и искал. Предложение я сделал после двух лет отношений, и в прошлом году мы поженились. Она сейчас лежит на диване и смотрит «Капитана Фантастик», а я пишу тебе. Долгие годы я не находил слов, и не знал, что написать. Но сегодня я собрался с мыслями и изложил тебе все, как есть. Сегодня мы узнали твой пол, Кристина. И я пишу тебе. Я теперь буду писать в каждые яркие моменты нашей жизни и подарю тебе этот дневник на 18-летие. И я, и твоя мама, мы любим тебя. Целую!

Соломон, твой отец

*Алексей Ильич
Блуштейн (Москва)*

СОВЕСТЬ

Я лежал на диване в крошечной комнате, не в самом лучшем настроении; смотрел на стены и потолок. Не знаю, как и почему мои мысли привели меня к истории, случившейся со мной в армии, пять или шесть лет тому назад — точно не помню. За все это время я впервые вспомнил о ней, но теперь, наверное, мне никогда не удастся забыть ее.

Приближался вечер, обычный вечер в армии. Я находился недалеко от военного склада и вдруг увидел, в двадцати метрах от меня, на пороге оружейной комнаты, маленького щенка, появившегося черт знает откуда. В этот момент мне сделалось нехорошо от ощущения растерянности и собственной беспомощности. Достаточно быстро выйдя из состояния легкого эмоционального шока, я устремился на кухню, где мне удалось раздобыть какую-то пищу. Вернувшись и смотря на щенка, который несколько пассивно поедал «мои угощения», я беспрерывно думал: надо что-то делать, нужно действовать. На военной базе строго запрещалось держать животных, время от времени приезжал фургон с ловцами-убийцами «ненужных» собак и кошек. А также я не был уверен, что из 800 военнослужащих части, половину из которых составляли солдаты с психологическими, воспитательными

проблемами, не найдется какой-нибудь ублюдок-садист. Я не был уверен в коллегах по службе, но еще больше я не был уверен в себе, не был уверен, что смогу сделать все от себя зависящее, чтобы обеспечить безопасность щенку. Я энергично пытался найти в моей голове какой-нибудь выход, и в один из моментов этого неприятного размышления ко мне пришла идея — вынести щенка за пределы базы и понадеяться на добрых людей. Я думал о щенке, но на самом деле подсознательно я думал о себе. Мне хотелось как можно быстрее избавиться от этого объекта, доставлявшего мне такой сильный моральный дискомфорт. Но, видит Бог, тогда я этого не понимал, наоборот, в тот момент мне казалось, что я спасаю эту четвероногую тварь, непонятно зачем появившуюся на свет. Был ли другой выход? Безусловно, был. Например, как я узнал позже, мой другой приятель спрятал и подкармливал в заброшенном подвале маленьких котят, которые обязаны ему своей жизнью. Или, может быть, нужно было взять щенка и постараться обойти близлежащий поселок с целью уговорить кого-нибудь совершить благое дело. Но, к сожалению, в тот момент я не был готов к этому!

Я решил действовать. Сообщив моему товарищу Вове (очень доброму и тихому парню) о своих намерениях, скорее для одобрения, чем для того, чтобы услышать его мнение, и получив молчаливое согласие, мы взяли щенка и направились к выходу с базы.

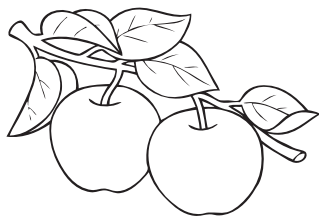
По дороге я эмоционально пытался, как мог, объяснить Вове, почему у нас нет другого выхода. Спустившись по маленькой тропинке и удалившись примерно на 100-150 метров от нашей части и оказавшись в 30-35 метрах от футбольного поля, где игрался матч, мы остановились. Я уверенно сказал Володе, чтобы он опустил на землю щенка, который в это время заснул за пазухой Вовиной куртки. Он нежно опустил его, и мы быстро и молча зашагали к базе, ни разу не обернувшись. Поднявшись в казарму, я долго и тщательно мыл руки, смотря при этом в зеркало с взглядом выполненного дела и с чувством вынужденного облегчения. После этого я очень быстро вернулся в свою солдатскую... жизнь, и первый раз вспомнил о щенке через пять-шесть лет. Самое страшное для меня теперь, что ни в тот вечер, ни перед сном, ни во сне я ни разу не подумал о щенке, никакие сомнения и переживания не посетили мое сознание. И, конечно, идея еще раз выйти за территорию части и убедиться, что все хорошо, на этот раз не родилась в моей голове...

В следующий раз я вспомнил о щенке через пять-шесть лет плюс несколько месяцев. И щенок этот, опять появившийся у меня в мыслях случайно, по-моему, когда я смотрел футбольный матч... Но на этот раз грустные переживания о нем занимали мою голову уже два полных дня.

Все течет, время мчится, и все дальше удаляет меня от того вчера. Помогать беззащитным четвероно-

гим существам стало одним из дел моей жизни. Мне несколько раз посчастливилось протянуть руку помощи этим самым преданным из созданий. Но если даже мне удалось бы спасти миллион, миллиард мучающихся животных, чувство вины перед тем щенком, остается и останется во мне навсегда.

О, маленький, несчастный щенок, как хочется мне, чтобы в тот вечер ты не сильно замерз и кто-нибудь из 22 футболистов взял тебя в свой теплый дом, поставил бы миску с водой и блюдо с самой паршивой, дешевой едой!

*Вениамин Николаевич
Бычковский (Беларусь)*

ИСЦЕЛЕНИЕ

Я лежу в траве и, точно собака, вдыхаю свежесть земли. А еще вспоминаю Блэка. Ирландский сеттер с хорошей родословной жил в семье моего друга, но редкие мои встречи с ним выстроились в странный, можно сказать, символический ряд, в котором легко увидеть главные вехи собачьей жизни. Но только ли собачьей?

Первый раз я увидел Блэка в щенячьем возрасте, тогда он быстро рос и медленно умнел. Но одна особенность его характера не зависела от роста — это страсть к общению. Он даже засыпал только в том месте, откуда мог видеть как можно большее число людей. Казалось, щенок боится одиночества, а присутствие живых существ придает ему силу и уверенность.

Через несколько лет это был рослый пес, который полностью отвечал своей именитой породе и «гордился» ею. Тогда он явно сторонился не только своих собратьев, но и людей, показывая всем своим видом, что очень занят. В такие моменты в его взгляде появлялось что-то потустороннее, как будто Блэк видел то, что для нас сокрыто.

Но больше всего мне запомнились его последние дни. На даче Блэк чувствовал себя полным хозяином. Казалось, что его волнуют даже

первые осенние листья, которые то и дело падали на землю. Пес старался проследить за каждым листиком и при этом наводил свой порядок. Он подбегал то к одному, то к другому, быстро обнюхивал, а затем носом подбрасывал лист вверх, как будто пытался вернуть на родные места.

Смешно и грустно было смотреть на осеннюю игру уже постаревшего Блэка. К тому же было видно, что он и сам хорошо понимает весь порядок природы и все же не может устоять на месте, когда его сердце по-щенячьи вздрагивает от каждого прыжка золотистых листьев. Вздрагивает и летит по ветру вслед за ними. Пусть в лапах тяжесть прожитых лет, зато в сердце — трепет и легкость ласточки! Блэк прыгал с каким-то восхищением, совершенно не думая о разбеге или о том, на какие лапы он приземлится. И в этой неожиданной несогласованности собачьих движений просматривалась еще одна осень — «осень» пса — две осени в одной, а значит, теперь и он не связан с «древом» животных и отныне подчиняется только ветру, поэтому касается земли, как придется, и падает, куда попало. Теперь и он — упавший лист, которым ветер сначала немного поиграл, а затем бросил в смешной позе на бок. Видимо, догадавшись о неразумности своего поведения, Блэк еще немного покрутился и ушел за баню, где с прошлого года начал рыть землю. Это было небольшое углубление, в котором он часто лежал в последнее время.

И всякий раз, прежде чем улечься, он хоть чуть-чуть, но обязательно разгребал верхний прогретый солнцем слой земли, чтобы внизу был холодный...

Исцеляющую силу холода я узнал раньше, еще до встречи с Блэком. Тогда я сильно болел и долгое время находился в больнице. Дикая боль изводила меня, выжигала нутро и растекалась по всем сосудам и нервам. Я долго метался по постели и случайно прикоснулся к холодной стене. Этот внезапный холод отвлек меня от боли, и я, прислонившись к стене всем телом, замер от неожиданного блаженства. Боль разом бросилась к бетонной преграде, точно сама ждала скорейшего выхода из моей горячей плоти.

После этого случая главным моим лекарством стал холод. И, попадая в больницу, я всегда всматривался в больничные стены у своей кровати, где нередко находил на стенах трещинки, и тогда мне казалось, что это моя боль оставляла свои следы, когда с силой прорывалась в глубь стен, чтобы уже по ним уйти в холодную землю.

Впоследствии эта чудесная способность боли уходить в холод земли не раз спасала мне жизнь! Правда, для этого мне пришлось стать бродягой, а в поводыри взять свою же боль, которая как никто знает все дороги и при необходимости просто валит с ног на холодную землю. А земля лечит... Не лед на больное место, а холодную землю! Она всегда рядом

и всегда готова исцелить любого! Даже под палящим солнцем земля глубоко не прогревается и надежно хранит свой живительный холод. Но только для тех, кто доверяется ей. Уж не отсюда ли народ издревле верит в ладанку с горстью родной земли, оберегающую от несчастий? Или вера в другую горсть земли, которую мы бросаем при погребении близких людей. Всего лишь горсть земли, а сколько в ней силы, если эта сила распространяется даже на Тот Свет!

Всего лишь горсть земли... Но прежде надо встать на колени и голыми руками разгрести верхний слой (теплый слой для червей!), и только потом можно коснуться холодной глубины... Словом, рыть землю, как старый пес Блэк. И я рою! Едва земля подо мной станет чуть теплой, я тут же начинаю рыть вглубь. Так я нашел родину предков и их могилы, «вырыл» застывшие документы, увидел окаменелую вечность! Не сосчитать, сколько раз натыкался на колокола, от звона которых мороз по коже...

Друг рассказывал, что в последний год жизни Блэка часто можно было увидеть за баней. К этому все привыкли и не придавали особого значения его рытью в уединенном месте — ведь и у собак могут быть свои привычки. В свой последний день пес был довольно бодрым и выглядел просто чудесно: от солнца блестела шерсть, он пах травой и лесом. Даже на мух Блэк щелкал зубами в красивой охотничьей стойке.

Да и за баню пес как будто не спешил, только радиус его пробежек и прыжков медленно смещался в ту сторону. Он исчез из виду так незаметно, что не вызвал никаких подозрений. А когда его отсутствие показалось слишком долгим, хозяева заглянули за баню, где и обнаружили уже холодное тело. Он лежал, свернувшись в своем углублении, а рядом с ним была небольшая кучка свежей земли, которую он успел выгрести...

Я лежу в траве и, точно собака, вдыхаю свежесть земли... и исцеляюсь! А еще вспоминаю Блэка... Господи! Как мы похожи! Я даже пахну сейчас, как он, пахну травой и лесом...

*Эльвира Рамилевна
Еникеева
(Санкт-Петербург)*

ХРИСТОС НА ПОЛЯХ

— Это просто возмутительно!

— Ни в какие ворота!

Алексей Александрович вздохнул:

— Что на этот раз?

— Он опять рисовал!

— Рисовал?

— Рисовал! — хором подтвердили все.

И пять учителей протянули ему пять тетрадок. Алексей Александрович взял поочередно каждую и внимательно изучил.

Строчки, циферки и уже привычные его глазу рисунки — иконы на полях. Красиво, просто чудо!

Лики святых, с любовью нарисованные ручкой, украшали все тетрадки и учебники Леша Сурикова. Алексей Александрович, его классный руководитель, на эту красоту давно насмотрелся и ничего против этого не имел (не каракули же, у мальчика талант), но попробуй это объясни возмущенным коллегам!

— Это что такое?! — возмущалась Елена Васильевна. — У меня математика или рисование?!

— А у меня изо или русский язык?! — шипела Вера Ивановна.

— А моя химия? — воскликнула Лариса Петровна. — Про самый важный предмет опять позабыли?! Да он ни одной контрольной не может прилично написать!

— Сколько работаю, — серьезно добавлял Олег Федорович, — а такого нерадивого ученика не встречал... Не может вес от массы отличить. Какой же из него физик?

— А он физик? — удивился Алексей Александрович.

— Должен быть, — ответил Олег Федорович.

— И что прикажете с ним делать? — развела руками Вера Ивановна.

Алексей Александрович предложил:

— Может, простим?

— Ага, и этого простим, и того простим, и пятерки всем задаром наставим! — задохнулась от гнева Вера Ивановна.

— Тогда они не будут знать химию! — перешла на крик Лариса Петровна. — А без химии они не решат ни одной задачи на избыток и недостаток!

Все другие учителя отвели глаза. Из них никто не получал по химии больше тройки.

— Ну, хорошо, — похлопал по руке чувствительную и безумно влюбленную в свой предмет Ларису Петровну Алексей Александрович. — Вот что у него выходит по вашей важной и жизненно необходимой химии?

— Двойка!

— Он, что, предмет совсем не понимает?

— Он только каракули понимает!

— Не каракули. Иконы! — поправил Алексей Александрович.

— А химия не важнее, чем иконы?

— Зато они красивые, — заметил Алексей Александрович и показал ей

один из рисунков. — Вы б смогли нарисовать такое? По-моему, это труднее задачек на избыток и недостаток. Вы так не считаете?

— Нет! — обиделась Лариса Петровна.

— Выпускной класс... — убеждал Алексей Александрович. — Давайте поставим Леше троечку. Вот вы согласны со мной, Вера Ивановна?

— Ну, если вы так говорите, пожалуйста, — согласилась Вера Ивановна, краем глаза любуясь Девой Марией на полях тетради по русскому.

— Мы его уже через месяц-другой и не увидим, — добавил Алексей Александрович. — Так почему бы и не поставить, Олег Федорович?

— Но ему очень пригодятся знания по физике. Как он без них?

— Не переживайте. Я ручаюсь, он как-нибудь научится отличать вес от массы... Кстати, а они чем отличаются?

Олег Федорович уже хотел прочитать нерадивому учителю географии лекцию про вес и массу, но его перебила Елена Васильевна:

— В принципе, можно поставить вашему Леше троечку. Авансом, конечно.

— Конечно, авансом, — согласился Алексей Александрович.

— Но вы должны оказать на мальчика влияние и заставить не идти учиться на математика!

— И на физика!

— И на профессора русской словесности!

Взоры обратились к Ларисе Петровне.

Лариса Петровна схватилась за сердце:

— Только не на химика! Он взорвет институт, а мне потом отвечать?

Волновались учителя напрасно. Леша Суриков с тройками в аттестате и без единой тетрадки со школы (все они отчего-то очень понадобились учителям... С чего бы? Ведь его иконы никому не нравились!) поступил в семинарию при Александро-Невской лавре на иконопись. Уехал из города.

А его рисунки все сохранили втайне от Алексея Александровича. У него тоже осталась одна «икона» от бывшего ученика — Христос на полях тетрадки по географии.

Прошло время. Однажды Алексей Александрович увидел знакомую фигуру на остановке.

— Леша! Неужели ты!

— Алексей Саныч! Ой, Алексей Александрович...

— Какими судьбами?

— Да я так... К семье приехал. Храм новый строят. Меня как лучшего студента отправили на практику.

— Ну ты молодчина!

— Спасибо... Вы это... В школе всем привет передавайте.

Алексей Александрович на следующий день всем коллегам привет от Сурикова передал. Не Василия, но тоже немножко художника.

— Ну, надеюсь, пишет он грамотно, — сухо процедила Вера Ивановна.

— И силу трения при скольжении кисти по холсту учитывает, — добавил Олег Федорович.

— Но, мне казалось, — осторожно заметила Елена Васильевна, — что иконы пишут не на холстах, а на...

— Несерьезное это дело! — взвизгнула Лариса Петровна. — Каракули рисовать! Одумается он, когда есть нечего будет, поймет, что надо было учиться, а не чиркать что попало, да поздно будет!

Алексей Александрович ничего не ответил.

Прошло еще несколько лет. Учителя, поминавшие прежние времена, когда дети были здоровее, умнее, не такие наглые, о Леше забыли. Только его прекрасные творения на полях тетрадок бережно хранились в тайных ящиках стола и приносили удачу.

— Препрассудки! — говорила Лариса Петровна, беря рисунок на аттестацию.

Однажды Алексей Александрович встретил неподалеку от церкви попа, гуляющего с попадьей. На черной поповской рясе поблескивал крест.

Учитель географии не сразу узнал в этом степенном человеке Лешку.

— Леша! Ты?!

— Я, Алексей Саныч, я!

— А как...

— А тут новую церковь как раз достроили, я теперь там служу... Это вот жена моя, Людмила...

— Ну кто бы мог подумать! А учителя думали, школу после выпуска позорить будешь...

— Я не позорил! Я ж никому не говорил, где до семинарии учился. Никому это и неинтересно... Как в школе-то? Как мои первые почитатели?

— Вера Ивановна вышла на пенсию. Елена Васильевна уехала куда-то с взрослой дочкой.

— А Лариса Пална?

— Работает! Олег Федорович тоже...

— До сих пор вспоминаю, как переживал из-за двоеч! Стоило ли...

Они еще немного поговорили, вспомнили былое и разошлись.

Учитель географии пришел домой, вскипятил чай, сел за стол и долго-долго любовался ликом Христа на полях тетрадки по географии.

Любовался и бормотал под нос:

— Красиво...

*Равиль Ядгарович Исханов
(Карши, Узбекистан)*

МОЯ БАБУШКА

Остался один ноготь. Мутно-янтарного цвета. Самый крепкий. На большом пальце правой ноги бабушки. Сейчас поддену край ногтя хирургическими ножницами отца иведу ножницы в нужном направлении. Левая нога бабушки в тазике с мыльной пеной и раствором соды вздрагивает. Раз. Другой. Следует поторопиться:

«30 минут. На все про все. Люся обещала заглянуть завтра. Надо с ней договориться насчет моих ног... ты все-таки мужчина. Не положено».

Люся (Гулуса) — это старшая дочь моей бабушки. Моя тетя. Она год как уехала с мужем — дядей Гусманом — к детям в Москву. Жизнь заставила. Бабушка никак не может принять факт отъезда старшей дочери и каждое воскресное утро ждет любимого человека.

...Стук в дверь, быстрый обмен поцелуями, очередная констатация еще одного факта непрекращающегося бега времени при взгляде на щеку дочери, несущей на себе следы упорного, но не всегда удачного применения тонального крема, шуршание пакетов с халвой, миндалем, другими местными деликатесами и долгий разговор за чайным столиком.

Так себе разговор. Ни о чем. Старые знакомые, родные люди, современные дети. В общем, нормальный женский разговор. Капли бальзама

на никогда не заживающие женские раны: муж, свекровь, невестка, золовка, соседка...

Бабушку от разочарований спасала глубокая старость. Она забывала. И наутро она опять ждала старшую дочь. К себе. В гости.

...Бабушку в юности готовили в жены муллы — мусульманского священника. Почетный титул жены муллы — абыстай — требовал больших знаний для умелого общения с женской частью мусульманского сообщества. Она возвратилась с учебы в казанском медресе (духовная семинария) «Мухаммадия» домой. В родное татарское село Альметьево. Вышла замуж за молодого муллу. Но вскоре попала в другую историю. Она продолжалась до самой ее смерти в знаковом 1991 году. Октябрьская революция разнесла в щепки прежние устои жизни и не торопилась навести порядок. Муж бабушки — мой дедушка, принял решение: убежать от революции и начавшейся Гражданской войны. В Узбекистан. Там, в далеком зеленом городе Шахрисабз, проживал его дядя, тоже мулла. После учебы в знаменитом медресе Бухары «Мир-Араб» он решил остаться на Востоке, не испорченным, как ему казалось, влиянием Запада. Говорили: он создал знаменитое село Татар под Шахрисабзом и лечил там недужных людей наложением рук. Ему нужен был верный помощник.

Но ничто не вечно под луной. Пришло новое время. Красноармейцы под командованием Михаила Фрунзе на штыках принесли советскую цивилизацию, казалось бы, в спящие вековым сном под палящим азиатским солнцем и извечно продуваемые пыльным ветром-афганцем древние края.

Что тут скажешь? От себя не убежишь. Дядя моего дедушки переквалифицировался в бухгалтера, а мой дедушка принялся преподавать русский язык и литературу в одной из школ поселка Чоршанбе рядом с зеленым Шахрисабзом. «Великий и могучий...» дедушку интересовал с детства. Бабушка нашла себя в качестве старшего повара Шахрисабзского детского дома. Пригодилось хорошее домашнее воспитание.

Это был очень даже неплохой вариант устройства растущей из года в год семьи на чужой поначалу земле. Прошли годы. Мужчин забрали на войну с немецкими захватчиками. Дядя дедушки, контуженный, списанный по инвалидности, вернулся с войны, а его племянник, спасенный от войны новоиспеченной должностью «директор школы», сгинул где-то в окрестностях реки Аксу, когда нес зарплату из Шахрисабза в свою школу в поселке Чоршанбе. Бабушка рассказывала, что убийцу директора школы потом нашли и наказали. Но никто и ничего не могло вернуть моего дедушку — отца трех детей...

Бабушка мне рассказывала, что дядя дедушки поддерживал семью племянника в военные годы,

которые были тяжелыми: «Идешь по центральному шахрисабзскому городскому рынку и видишь бедных, измученных людей, сидящих у его стен. Завтра идешь по рынку и видишь сидящих людей, но уже большей частью других. Что случилось? Умерли? Привезли новых? И рассадили у стен? Или сами приползли умирать?»

Бабушка так и не нашла ответы на свои вопросы. Бедные, умирающие люди сидели у стен рынка, выходящего свои главными воротами на Чорсу — монументальное здание, снабженное четырьмя дверьми, открывающимися на четыре улицы — четыре стороны света. В нем сидели солидные купцы и хитрые менялы, знающие все и всех толмачи, жестокие стражники...

Помнится: до недавнего времени в Чорсу располагался магазин хозяйственных товаров. До того, как Шахрисабзу предоставили «вторую жизнь»: реконструкцию исторического центра.

Конечно, никто и не собирался давать «вторую жизнь» моей бабушке. Она немного не дожила до 95 лет — каких-то полгода. И оправдала слова, как-то сказанные мне: «Род твоего дедушки хлипкий, а наш род был всегда здоровый и сильный...»

Что она хотела этим сказать? Может, она не могла простить мужу, оторвавшему ее от родных корней в России?

Она любила меня больше всех внуков. Я был старшим внуком. Она прожила последние три десятка лет

своей жизни в семье своего единственного сына — моего отца, и у дочерей только гостила.

Она была статной. Без «вдовьего горбика». С черными от ежедневной чистки картофеля пальцами. Картошки нужно было много. Приготовить пирог с мясом и картошкой, сварить суп, изжарить увесистые, величиной в мужскую ладонь, пирожки с картошкой, добавить «второй хлеб» в рацион кур-несушек и очередного поросенка...

Она была душистой. Иногда от нее пахло липовым медом и ягодной пастилой. Это означало, что она получила посылку от российских родственников и за большим столом за чаем в доме моего отца соберется много гостей. И не обязательно родственников. Но большей частью от моей бабушки пахло топленным бараньим и говяжьим салом, жареным луком и вареной картошкой, вишневым и абрикосовым вареньем...

Она любила тепло. Я привез ей из Москвы безрукавку из натуральной овчины, которую она одевала в холодные дни. А их у нее было все больше и больше. Бабушка так и не дождалась старшей дочери в гости. Она умерла. Ее ногти — крепкие, мутно-янтарного цвета, состригли женщины, омывательницы трупов...

*Надежда Гусева (Надежда
Валентиновна Кибец)
(республика Татарстан)*

ЗУБЫ-ЖЕМЧУГА

Она не вошла в класс, а впрыгнула. Перескочила порог кабинета физики и улыбнулась.

За окнами висел осенний полумрак, синие занавески навевали тоску, но включить свет никто не удосужился. Шестой урок как-никак, народ подустал. Народ домой хотел. Свалить хотели все, но только треть сбежала бы по-честному — этим все выговоры были по барабану. Удерживало только обещание новизны.

Новый предмет назывался МХК. Мировая художественная культура. Что это такое — нам никто не объяснил.

А она впрыгнула. И сразу засмеялась. Была она маленькая, худая и кудрявая. А когда заговорила — быстро и весело, то показалось, заговорили и ее руки — так легко и красиво они жестикулировали.

— Моя фамилия Гринбаум. Вы можете перевести слово «гринбаум»?

Мы настороженно молчали. Неизвестно, чего ждать от такой непонятной женщины. За восемь с половиной лет обучения всякого насмотришься, видали мы и таких — на вид-то добрая да веселая, а потом прижмет — только держись.

Она быстро нарисовала на доске дерево с листочками.

— Ну вот. С немецкого это переводится «зеленое дерево».

— Мы будем учить немецкий? — спросил кто-то с вызовом.

— Нет. Мы будем заниматься культурой.

Несколько человек закатили глаза.

Но она заговорила — быстро, складно, смешно, и сразу стало понятно — и скучно не будет, и семь шкур не сдерут.

А потом объявила викторину.

Кошмар.

При словах «викторина», «конкурс», «соревнование» на меня всегда находили нервное остолебенение, приступ тупизма и желание залезть в шкаф. Только раз в жизни, в первом классе я победила в каком-то очень локальном конкурсе и получила награду — картонный кружочек с нарисованным котенком, подвязанный на шерстяную нитку. И эту, прости Господи, медаль я хранила в шкатулке вместе с другими ценными вещами много лет!

— Кто назовет автора картины?

Молчание. Я подняла глаза на репродукцию, и давно знакомый образ радостно отозвался в памяти. Я робко подняла руку.

— Рафаэль?

— Правильно! — обрадовалась Гринбаум. — А теперь... В углах этого дома нет ни одного острого угла. Архитектор конечно же...

— Гауди! — выкрикнула я.

— И это! Тоже! Правильно! А теперь фото!

На фото изогнулась балерина. Вот и все, привет. Балерин я не знала.

— Плисецкая, — сказала Вера.

Конечно, человек лет десять в танцевалку ходит, еще бы не знать!

— Да, Майя Плисецкая. А теперь...

Ее глаза на звезды не похожи
Нельзя уста кораллами назвать,
Не белоснежна плеч открытых кожа,
И черной проволокой вьется прядь.

Тут уж я просто неприлично возликовала:

— Шекспир!

Действо продолжалось долго. Наконец Гринбаум шумно обрушила на стол ворох репродукций и вырезок из журналов, порылась в сумке, что-то извлекла и указала на меня.

— Как тебя зовут?

Я назвалась.

— Выйди, пожалуйста, сюда.

Я потащила к доске, меняя окраску, как больной хамелеон, и запинаясь о раскиданные сумки одноклассников.

Гринбаум подняла мою руку — как на ринге.

— Наш сегодняшний победитель и несомненный эрудит. Все похлопали!

Ах, провались-ка ты пропадом! Как мило — «похлопали»... Жуть.

— А это приз победителю.

Приз. Мне. Ага. Впервые после картонного котенка. В мои руки легла маленькая блестящая книжица. Я замерла и, наверное, даже забыла поблагодарить. Не помню.

Как мало надо для счастья. На моем столе лежал приз.

— Дай посмотреть!

— Это кто, а?

— Красиво...

— Круто, держи.

Когда каждый сосед дежурно полапал мою прелесть, я проморгалась и попыталась разобраться — чем меня, собственно, одарили. Владимир Набоков. Ничего не говорящее имя. Я раскрыла книгу. Стихи. Полистала. Еще и проза. Тонкие летящие иллюстрации.

И я открыла посередине. Всегда так делайте, когда хотите проверить — стоящая книга или нет.

«На годовщину смерти Достоевского».

Скучновато. Достоевского я еще не читала, но его портрет в кабинете литературы не сулил ничего хорошего — угрюмое худое лицо, борода клином и все это — на мрачном коричневом фоне. Кто-то сказал, что в тюрьме он сам вырезал деревянное кресло с подлокотниками в виде топоров. Невеселый, должно быть, был человек.

Садом шел Христос с учениками...

Меж кустов, на солнечном песке, вытканном павлиньими глазками, песий труп лежал невдалеке.

И резцы белели из-под черной складки, и зловонным торжеством смерти заглушен был ладан сладкий теплых миртов, млеющих кругом.

Предчувствие меня не обмануло. Жуть жуткая. Только на кладбище ночью читать.

Труп гниющий, трескаясь, раздулся,
полный склизких, слипшихся

червей...

Иоанн, как дева, отвернулся,
сгорбленный поморщился Матфей...

Но, однако же, это затягивало,
как затягивает фильм ужасов. Я не
могла оторваться от странного чтива
и уже не слышала, что там еще гово-
рила Гринбаум.

Говорил апостолу апостол:

«Злой был пес, и смерть его нага,
мерзостна...»

Христос же молвил просто:

«Зубы у него — как жемчуга...»

Стоп. Это как? Тут только что го-
ворилось о тлене и разложении. Зу-
бы-жемчуга?

Я перечитала еще раз. Потом еще.

И закрыла книгу. Потому что
прозвенел звонок. Урок был послед-
ним, и все ринулись в раздевалку.

До меня дошло на полдороге
домой. Дошло и застряло навсегда
в голове.

В самом гадком и мерзостном
можно и нужно увидеть прекрасное.
Надо только хотеть это увидеть.

И спустя годы я поняла — До-
стоевский мог. И мог Набоков. И мог-
ла, конечно же, Софья Максимовна
Гринбаум, которая радовала нас так
недолго. Через несколько лет она
умерла от рака.

Ее единственный сын сейчас
живет в Израиле. Это все, что я знаю
о ее семье.

А книжка Набокова стоит до сих пор на самом видном месте в старом книжном шкафу. По одну сторону от нее — «Моби Дик», любимая книга мужа, по другую — «Мастер и Маргарита». Подходящие соседи, мне кажется.

*Андрей Нечаев
(Андрей Павлович
Косогорский)
(Королевство Испания,
регион Кастилия Ла Манча)*

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ О ЕДИНОРОГАХ

Когда охотница Марри притащила из леса труп пропавшего три дня назад сына мельника, сельчане сразу поняли: в округе завелся злейший хищник, какой мог встретиться в наших краях. Единорог.

Поняли мы это по ране на груди — круглой и почти сквозной. Единороги, в отличие от других хищников, не пожирают жертв. Им нужна лишь кровь — как можно более свежая и теплая. Поэтому они всегда целятся в сердце, после чего, обагрив кровью рог, бросают несчастного.

Это мы узнали от Клары — нашей хранительницы знаний. Она занималась наставлением молодежи и хранила нашу небольшую библиотеку. В молодости она много путешествовала и какое-то время жила и училась в Бирге — ближайшем к нам крупном городе. Так что она многое в жизни повидала и многое знала.

Клара, едва взглянув на тело, вынесла вердикт:

— Единорог! И никто другой!

Услышав это, сельчане заахали и запричитали. Хотя они и без Клары догадывались. Но, пока она это не сказала, надеялись на что-то другое. Единорогов люди боятся больше, чем

волков, рысей и медведей. И иметь одну из этих тварей вот прямо под боком ну никак никому не хотелось! И уж тем более не хотелось с ним встретиться.

Не горел желанием и я, но, будучи алькальдом, был обязан защищать сельчан. И потому я тут же объявил, что отправлюсь на охоту на этого монстра и призвал с собой добровольцев. Первыми вызвались мельник и его старший сын. Марри и еще с дюжину человек присоединились. Наконец, решили взять троих собак.

— Что ж, — сказала Клара, когда мы собрались в ее доме. — Вообще-то, я бы не хотела, чтобы вы шли на эту тварь. Но, раз уж собрались, постараюсь вам помочь.

Она рассказала все, что знала о единорогах сама. Лошади-убийцы неспроста ищут крови. Будучи пролитой на рог, она помогала его росту и крепости. Подобно оленьим, рог самца-единорога служит ему оружием против хищников и соперников и украшением для привлечения самок во время брачных игр. У самок рог куда короче, а иногда его и вовсе нет.

— Это почти наверняка жеребец, — сказала Клара. — У кобыл редко бывают рога такой длины, чтобы могли проткнуть человека насквозь.

Еще она сказала, что у единорога крепкая шкура, и ее почти невозможно пробить. Поэтому посоветовала нам хорошо наточить мечи, но при встрече с единорогом пытаться ранить его в глаза, горло или пах.

— Вы должны быть быстрыми и ловкими, — добавила она. — Едино-

рог резвее и сильнее любой лошади. Он может выскочить из чащи, когда вы этого не ждете, боднуть так, что улетите на десять сажень и скрыться раньше, чем шлепнитесь наземь.

Потом мы разошлись по домам — готовиться в дорогу. Вышли на следующее утро.

Выследить чудовище нам удалось на удивление легко. Да и вообще: мы ли вообще его выслеживали или он нас? Собаки взяли след, едва мы вошли в лес, а дорога была устлана следами единорога и местами взрыта. Чудовище будто бы хотело, чтобы мы его нашли. И мы нашли.

Не могу описать схватку, потому что почти ничего не помню. Я увидел его — большого, мускулистого коня; вороного, но с кроваво-красной шерстью возле копыт, на груди и на морде, с длинным и блестящим обсидиановым рогом. Он взглянул на нас, и его глаза сверкнули, будто искры в темноте. Единорог сорвался с места... И все. Дальше я помню лишь, как что-то ударило меня по голове, будто кувалдой.

Очнувшись, я обнаружил, что меня волочит через чащу Марри. И я, и она были все в крови.

— Где остальные? — спросил я.

— Мертвы. Эта тварь заколола их своим рогом.

— А как же ты спаслась?

— Не ведаю. Оно просто меня не тронуло. Подошло, посмотрело, понюхало — и все. Почапало восвояси. Видать, напилось уже кровушки.

Я смог подняться и идти дальше сам, хоть и опираясь на ее плечо. Од-

нако к деревне мы в тот день не вышли. Заблудились. С неделю бродили по лесу, прежде чем выбраться.

Встречали нас всем селом, да не с добром. Когда я увидел выражение лиц односельчан, сначала решил, что они ненавидят меня за то, что отвел людей на смерть. Но правда оказалась куда хуже.

— Нечистые! — сказал один из мужиков. — Вы пытались навредить Самому Невинному Созданию!

Нас с Марри осыпали оскорблениями и заплевали. Обескураженные, мы пошли к Кларе. Та единственная во всей деревне сохранила рассудок. Она рассказала, что на следующий день после того, как мы ушли, единорог явился в деревню. Он ничего не сделал и никого не тронул. Просто вышел на поляну, постоял и ушел. С тех пор все в деревне изменилось. Единорога провозгласили Самым Невинным Созданием, стали петь песни в его честь, а нас и убитого сына мельника окрестили странным словом «грешники».

Клара объяснила, почему единорог не тронул Марри. Девушка была девственницей, а потому ее кровь для единорога была ядом.

С поста алькальда меня погнали драной метлой. Хотели вообще нас с Марри из деревни выгнать, да потом передумали. Сказали, дескать, Самое Невинное Создание милосердно и простило нам все «грехи».

Мои односельчане теперь каждый день собираются в специально построенной избе, чтобы восславить единорога. Они рисуют его изобра-

жения на холстах и вышивают на рубашках детей. Но эти образа совсем непохожи на правду. На них единорог белый, с ярко-сиреновой гривой, а его рог блестит серебром.

Само чудовище по-прежнему живет где-то рядом с деревней и время от времени нападает и убивает кого-нибудь из сельчан. И, ежели такое случается, люди начинают его восславлять и твердить, что единорог унес покойного в лучший мир где-то на вершине радуги.

*Владимир Алексеевич
Мескин (Москва)*

НАС ВСЕХ ПОДСТЕРЕГАЕТ СЛУЧАЙ

Красота спасет мир...
Ф.М. Достоевский, «Идиот»

Теплым июньским вечером я занял свое место в плацкарте поезда Москва — Мурманск. В вагоне было малоллюдно и тихо, что весьма меня обрадовало: меньше всего я жаждал общения. Настроение было серое, как моя солдатская шинель, одиноко болтавшаяся на крючке для верхней одежды. Я возвращался из краткосрочного отпуска в часть. Кто не переживал такого возвращения, тот не поймет всей глубины моей тоски. И ладно бы я ехал в часть, расквартированную где-то в городе, отделенную от живой жизни забором, нет, я ехал в край белого безмолвия, где морозит и снежит до июня, где нет увольнений, ходить некуда и не к кому, где ночами можно услышать вой волков, а офицеры не разрешают женам одинокие прогулки, очевидно, опасаясь тех же волков. Или еще чего-то опасались они, не знаю. Из Мурманска мне следовало ехать дальше на север.

Память возвращалась к благословенным часам, когда, может быть, в этом же вагоне я ехал в отпуск. Десять дней! Казалось так много! От желаний и мечтаний захватывало дух, хотелось душевных разговоров,

понимания. Из путешествия из Мурманска в Москву особенно запомнилось такое. Я расположился на верхней полке темным промозглым вечером и безмятежно проспал часов восемь, а проснувшись, увидел, что плацкарт залит солнечным светом, а за окном колыхалось буйство зелени. Вспоминать не хотелось, но вспоминалось. «Ну что же, — подумалось с горечью, — прокрутим фильм в обратной перемотке».

Я радовался одиночеству, но перед самым отправлением оно было нарушено: в вагон шумно ввалилась группа, с десятков юношей, девушек моего возраста. Трое ступили на мою территорию. «— Ой, солдатик...», — почему-то удивилась вошедшая девушка, и это окончательно добило мое настроение. Я забрался на свою верхнюю полку, отвернулся, попытался заснуть, но мне долго это не удавалось. Из разговоров внизу я понял, что мои попутчики студенты, «квартиреры» студенческого строительного отряда, едут готовить базу для основного состава. Один из трех моих соседей был командир, другой — его зам, девушка — врач отряда, студентка медфакультета. Через пару часов все утомонились, и я заснул.

Утром мы познакомились, благодаря искреннему радушию командира Алексея. Он был года на два старше других и, как оказалось, тоже некогда служил в армии. Его зам, Эдик, мне почему-то сразу не понравился, в нем было какое-то высокомерие. Вскоре до меня дошло, что

зам неравнодушен к девушке, ее звали Лариса. Она было хороша собой: стройная блондинка, огромные серые глаза. Дошло так же и то, что Эдик ей не интересен. Со мной она была приветлива, расспрашивала о том, о сем, говорила о себе. Ее приветливость не осталась незамеченной парнем.

На завтрак попутчики развернули пакеты из дома — бутерброды, конечно же, курица, проводница принесла чай. Я долго отказывался, но Алексей сломил мое стеснение, и я присоединился к трапезе. Потом командир взял гитару, и, кажется, вся команда переместилась в наш отсек. Им было весело, хотелось петь, и они пели одну песню за другой почти без пауз:

Люди идут по свету,
Им, вроде, немного надо...

В ресторане по стенкам висят тут и там «Три медведя», «Заколотый витьязь»...

Надежда, я вернусь тогда, когда
трубач отбой сыграет,
когда трубу к губам приблизит
и острый локоть отведет...

Признаюсь, чем веселее было компании, тем грустнее было мне, все явственнее и явственнее я мысленно прозревал темно-зеленые стены казармы, ряды двухэтажных кроватей и серый плац за окном.

К обеду студенты достали несколько бутылок вина. Градус веселья поднялся. На какое-то время я при-

влек их внимание. Ребята, не знавшие службы, интересовались, что да как там, вряд ли не говоря про себя: «Слава Богу, меня сия чаша обошла». Эдик зло и иронично комментировал мои ответы, суждения, пытался вызвать смех и явно злился, что не преуспевал в этом. Меня его остроты не задевали до известного предела, до такого с ним диалога:

— А сколько еще тебе трубить?

— Год.

— Ха, стреляйся, парень.

Нависла гнетущая тишина, которую разрядил Алексей. «— Думай, что несешь», — заметил он Эдику. Я же понял, что это остряку не спущу. Дело в том, что так дозволено шутить лишь «дедам». Лариса, гневно-выразительно посмотрев на Эдика, пересела ко мне и как-то по-дружески приобняла. Она мне очень, очень нравилась.

И все же мне стало так скверно, что я уже не отказывался от предложения выпить. Скоро их винные запасы стали иссякать, и я решил «вложиться». В вагоне-ресторане официант с лицом, напоминавшим хорошо сдобренный маслом блин, заявил с насмешливой улыбкой: «— Есть, служивый, лишь армянский коньяк, пять звездочек». Улыбка было препротивной. «— Две бутылки», — сказал я и испугался: хватит ли денег... Денег хватило, но едва-едва. Мою покупку народ встретил одобрительным «ooo-ooo», лишь Алексей не обрадовался, заметив: «— Ну зачем же ты...»

Веселье продолжалось допоздна, я немного отошел, но выходку Эдика забыть не мог, ждал момента и до-

ждался. Я поймал его в конце вагона, схватил за воротник рубашки, втолкнул в туалет. Зам был выше меня, я резко притянул его вниз до столкновения лбами. Ужас в его глазах оставил мои намерения. Я лишь посадил его несильным тычком в живот на не блиставший чистотой унитаза и вышел. Больше я Эдика не видел. Его вещи унес куда-то Алексей. Вернувшись, он улыбнулся мне, ничего не сказав. Лариса тоже, как я понял, прознала о случившемся. А я был в нее уже влюблен. Так случилось, что мы вышли с девушкой в вагонный проход и много часов простояли, разговаривая, у окна. Она дала мне свой адрес.

Институт не был в моих обязательных планах на будущее, но там у окна я дал себе слово, что чтобы это мне ни стоило, я стану студентом, я найду ее. Каждый свободный час в оставшийся год службы я отдал на подготовку к вступительным экзаменам, занимался и по ночам, кажется, ни разу не позволил себе расслабиться, посидеть у телевизора. В московский вуз я поступил, с Ларисой мы поженились почти сразу после моей демобилизации. Благодарить ли мне случай? Благодарить ли Эдика?

*Сергей Андреевич Минаев
(Новосибирск)*

КАК ДЕДА ВАНЯ МИР СПАСАЛ

Протяжный скрип, выворачивающий наизнанку нутро, издававшей виды качели вывел Ивана из «коматозного» состояния, заставив обернуться на источник шума. В предрассветной дымке на когда-то выкрашенной кислотными оттенками желтой краски, а ныне превратившейся в поблекшую от солнца и проржавевшую конструкцию качели мерно раскачивалась светловолосая девушка шестнадцати лет.

Несмотря на ранний час, а на треснутом экране дешевого смартфона горела цифра 03:58 утра, и на то, что во дворе, окруженном пятиэтажной «сталинкой», сей мерзкий звук многократно усиливался эхом, тревожа праведный сон всей округи, девушка продолжала помогать ногами, подталкивая свое мелкое тельце в люльке качели.

— Мила, прекращай! — терпение Ивана после очередного душераздирающего «скрипа» не выдержало, и он, круто повернувшись назад, не слезая со старенькой самодельной приступки, стоящей у фасада дома, прикрикнул на девушку, при этом издававшая виды малярная кисть, находящаяся в руке Ивана, выскользнула и, описав крутую дугу в воздухе, благополучно приземлилась в кучку высохшей от жары пыли. Полный усталости стон непроизвольно вы-

рвался из горла Ивана. Мила прыснула от смеха.

— А ты дай сигаретку, дед Вань, тогда и прекращу! — закончив смеяться, девушка замерла в подвешенном назад состоянии, выставив в качестве упора ножку в землю. При этом ее лицо прямо демонстрировало уверенность в успешном завершении данного шантажа.

— Не «ты», а «вы», мелочь ты наглая! — Иван, подняв кисть с земли, пытаясь отряхнуть пальцами прилипшую в изобилии к ней пыль, сокрушался вполголоса. В конечном счете, измарав руки в краске, так и не получив хоть какого-то видимого результата, он швырнул кисть в ведро с водой, и, схватив тряпку с приступка, пошел в сторону старой трухлявой лавочки.

Увидев идущего Ивана, Мила, быстро соскочив с качели, радостно плюхнулась на скамью и стала ждать, молча подставляя лицо утреннему солнцу, пробивавшемуся сквозь предрассветную дымку в узкий автомобильный проезд «квадратного» двора.

Спустя пару минут, покончив с очисткой рук, Иван достал пачку сигарет и молча предложил девчонке. Он уже давно не пытался наставить Милу на путь истинный, понимая, что при желании и с ее нелегкой и давно не детской жизнью, девчонка легко сможет найти способ одурманить свой разум.

— Дед Вань, вот хоть убей, не понимаю я тебя... — после непродолжительного времени, отведенного на

обоюдное любование полоской расвета в проеме квадрата дома и курения табака, спросила девушка. — Нафига ты стены каждый раз красишь?

При этом девушка коротко махнула рукой в сторону фасада дома, на котором красовался очередной недозакрашенный фаллический узор, оставленный местной детворой и намалеванный когда-то далеко не искусенной рукой художника. — Все равно ж опять нарисуют!

— А я опять закрасу! — тихо, но твердо, после непродолжительных раздумий, сказал Иван, скорее себе, чем рядом сидящей девчужке.

— За-кра-шу, — по слогам повторил Иван и, сделав глубокую затяжку, по-доброму взглянул в глаза Милы. — Пройдет, наверное, немало зим, дочка, прежде чем ты осознаешь, почему этот полоумный старик каждый божий день тащился со складной скамейкой к фасаду дома, чтобы закрасить очередной шедевр местных пацанов, но я тебе гарантирую, ты все поймешь, — Иван грустно ухмыльнулся.

— Поймешь в один из тех моментов, ничем не примечательных, рутинных, когда в тысячный раз, скажем, утром перед работой заваришь себе кофе и в самую тихую минуту перед уходом, стоя у заляпанного окна кухни, выходящего во двор, взглянешь сквозь пыльную стенку стекла и не увидишь будущего, того самого, которое представлялось тебе в грезах молодой жизни, того самого, которое ты представляла каждый день, не замечая убогости повседневности,

— деда Ваня ненадолго прервался, активно разминая стариковские запястья. — И вот в тот момент, когда дымка ранее построенных надежд окончательно развеется и пред твоим взором предстанет мир настоящий, без будущего, в котором тебе и предстоит доживать свой век, вот тогда ты сразу заметишь во всей красе своей и эти плечи осыпавшейся и отсыревшей штукатурки, и эти «потрясающие» рисунки, и эти скрипучие качели, до которых я все-таки доберусь и смажу.

— Зачем?! — повторил он Милин вопрос. — А затем, дочка, чтобы соседи наши, родители твои пропойцы, ты и твои кореша-художники, смотря в окошко, жить хотели, здесь, в этом доме, прогуливаться по этому двору, чтобы, лишившись или, того хуже, вообще не имея будущего, они хотя бы попытались сберечь свое настоящее. Это, конечно, наивно звучит, особенно от деда, разменявшего седьмой десяток, но я верю, что если человек начинает свое утро с чего-то красивого, даже если это красивое — просто чистенькая свежеекрашенная стена дома напротив окошка, то и мысли его будут тянуться к чему-то прекрасному.

Иван улыбнулся претеплой улыбкой человека фанатичного, верящего в правильность выбора своего пути и продолжил.

— Знаешь, Мил, есть такое крылатое выражение одного умного дядьки: «Красота спасет мир», — Иван, выбросив окурок в рядом стоящую урну, засобирался, — оно настолько

заезженное, что многие даже и не вдумываются в силу этих, с первого взгляда, банальных трех слов.

— Красота спасет мир! — деда Ваня медленно повторил, как бы пробуя на вкус сказанные им слова, — мир, родившийся в холодном рациональном безобразии незыблемых законов мироздания, жестоких и неумолимых, продолжающих гнуть нам свою линию не менее жестких законов существования и по сей день, и правда требует спасения, а спасти его может, наверное, только иррациональная, противоречащая его бездушным принципам, красота. Стоит только руки приложить.

На последней фразе деда Ваня с кряхтением поднялся с хлипенькой лавчонки и направился к куче оставленного им покрасочного инвентаря. Но, остановившись на полпути, резко обернулся к Миле, на лице его, испещренном грядой глубоких морщин, красовалась хитрая улыбка, он протянул в сторону девушки правую руку, этим жестом как бы приглашая.

— Ну что, мелочь наглая, ты со мной или как?

*Влада Станиславовна
Шипулина (Сочи)*

ДУШЕЧКА

Третьего дня Душечка, а вместе с ней и все в доме поддались модной меланхолии. Вдыхали служанки, вздыхала французская гувернантка. Вдыхала крошечная собачка, тоже модная и тоже французская. Невероятная тоска в начале весны. Никогда не заставлял ее прежде, навещая любимых соседок.

Госпожа Пуховская жаловалась на головные боли, поминутно напоминая о них громким протяжным вздохом. Скучаяще листала книжицу. Известный критик окрестил героя «негодяем» («негодяем» после его статьи в доме стало называть все, от скрипящих половиц, до петуха, кричащего слишком громко). Роман — «гадкая, гадкая штука». Цитирует и не признается, что и роман, и герой, ей, уже седой, близки и симпатичны.

Еще одна газетная статья — и она решит критиковать сама. Накинется от радости не на Байрона и Пушкина, великие так просто не даются. А на меня. Сидит тут, молодой, красивый, холост. Хозяйство бросил на какого-то слугу (немодного и даже не французского). Пишет стихи, если читает, то с юношеским жаром, имея плохую привычку размахивать руками. Читаю Душечке.

Когда она заперлась у себя в комнате и не разговаривает со мной уже три дня, не скучать не получается. Ее нет — я думаю о ней, она

есть — я думаю о ней. Мысли делают круг и возвращаются. Чувствую себя крошечной кибиткой, потерявшейся в белой-белой вьюге.

И руки белые твои
Ветер гладит...

— И у меня руки белые! — вытянула перед собой, растопырила тонкие пальчики. Мол, глядите, белее сахара и снега, белее соли и смерти. Вдохновляйтесь.

Гори, осенний лес,
Танцуй, моя краса.

Крутится, вертится, шустрая юла. Еще не танцевала на первом балу, все представляет себе большую люстру, большой оркестр, большого кавалера. Сама — миниатюрная куколка. Если и делает па, то перед зеркалом. Или, шутя, на наших долгих прогулках.

— Только *tatán* не говорите, — улыбается. Боже, где их учат так улыбаться?

Ну, где же ты, кудрявая красавица?
Где старая любовь?

— Вы опять списываете? — спрашивает, когда долго на нее смотрю, оторвавшись от книг, собственных рассказов. — Вы же их с меня списываете?

Списываю. Признаюсь, врать, когда так смотрят, неприлично. Не сочиняю, не бегаю за музой-вертихвосткой. Списываю с Душечки ту

героиню с родинкой, ту мимолетную любовь с белыми ручками. И как они двигаются, и как они смеются читателю сквозь страницы, как бьются в унисон чернильные сердца. Все они — одна. Моя. Душечка. Не разговаривает со мной три дня по совершенно непонятным причинам.

С весной дни становятся длиннее, а имение Пуховских застряло в феврале и до сих пор не проснулось. Дом не стряхнул с крыши снег, как отряхиваются пушистые собачки, не наполнился веселым гамом. Даже петух-негодяй будто специально игнорировал рассветы. А госпожа Пуховская не повторяла извечных угроз о топоре, супе и новой набитой подушке.

А была бы тут Душечка. Как бы она поплыла в своем новеньком весеннем платье. Как бы она очаровательно посмеялась над мамán, как сыграла бы нам что-нибудь, откинув пыльную крышку рояля. И госпожа Пуховская вместе с ней. Какую бы забавную историю вспомнила, как упростила бы, наконец, свозить ее в город, ведь так хочется танцевать! Каким бы совсем-совсем мальчиком почувствовал бы я себя рядом с этой совсем-совсем девочкой.

Приди, красавица! Спаси меня от модной заразы, изобрази панацею. Движением головы, хитрым шепотом:

«А вы мне сегодня снились...» Как преображается мир, поднимается второе, ярче первого, солнце. И пусть мне, поэту, свойственно страдать и преувеличивать, поверьте, строгие критики, как одиноко и плохо бывает, если человек живет 72 часа совершенно без прекрасного. На полках Байрон, Пушкин. В ногах спит очаровательная собачка с бантиком. Весенняя капель, весенние цветы. А мне нужна Душечка.

Слышу! Открывается дверь. По лестнице, стуча каблучками, к нам спускается Она. Улыбается, целует мамán.

— Я такую замечательную книжку читала!

Ах, если бы я знал, что красота была занята романом, запретил бы всем людям в мире читать. Но как рассказывает, как заводит кудряшку за ушко. Я посвящу вам новый стих, поэму, талмуды, если вас это радует. И ничего не попрошу взамен, считайте, что это подарок. За то, что делаете мою жизнь. За то, что одним своим нежным взглядом спасаете от прилипчивой меланхолии.

Еще немного, и сердца стук
Окончательно лишит меня слуха.

Я вас люблю, Душечка. Как прекрасна в этом году весна!

